

Марина Е.С.

Парадоксальные поэтические образы в современном англоязычном поэтическом дискурсе: типы эмоционального резонанса

Марина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры лексикологии и стилистики английского языка имени профессора А.Н. Мороховского Киевского национального лингвистического университета, г. Киев, Украина

Received October 21, 2013; Accepted November 15, 2013

Аннотация: Статья посвящена выявлению типов эмоционального резонанса, возникающего в результате прочтения или просмотра современного англоязычного поэтического текста, в котором функционируют парадоксальные поэтические образы. Определено, что специфика возникновения эмоционального резонанса обуславливается когнитивными, экстралингвистическими и лингвистическими факторами.

Ключевые слова: эмоциональный резонанс, текст-удовольствие, текст-наслаждение, текст-страдание, мобильность границ.

Динамика антропоцентрической мысли вначале XXI века характеризуется двумя тенденциями – *антиантропоцентризмом*, проявляющемся в экологизации языковой и текстовой онтологии, и *неоантропоцентризмом*, в частности, ориентированным на исследование энергетических аспектов языка, текста и дискурса в свете художественного воплощения таких явлений, как эмоциональный резонанс, измененные состояния сознания и т. д. [6, с. 47-48]. В разных жанрах художественного дискурса пробуждение читательского резонанса специфично, также как и создание куматоидности, реализующейся в виде эмоционального нарастания, крещендо или диминуэндо [15; 5; 3]. Исходя из того, что основные направления и линии исторического развития поэтических форм и категорий, определяются сменой типов художественного сознания и видов поэтического мышления [8; 2], считаем обоснованной экстраполяцию представленных теоретических положений на поэтический дискурс в ракурсе типологизации эмоционального резонанса, особенно в периоды развития поэтического творчества модерна и постмодерна. В контексте статьи проводится анализ поэтического **материала** упомянутых эпох, поскольку именно в период XX – начала XXI веков происходит кардинальная ломка культурно-эстетических стереотипов, существенная переоценка ценностей [12, с. 4] под влиянием новых артефактов, идей, непривычных конфигураций, что, в том числе, обуславливается и всплеском информационной гипернасыщенности, переходом к цифровому обществу и среде коммуникации. Отличительной чертой новых форм творческой деятельности становится синтезированность и симбиотичность. В результате наблюдается взаимопроникновение музыки, поэзии, живописи, кинематографии и архитектуры в русле, с одной стороны, использования их техник в поэтическом тексте, а с другой – применения понятийного аппарата одного вида искусства для объяснения другого. Такая мультимодальность, поэтического дискурса в частности, ведет к еще большему своеобразию эмоционального резонанса. Теперь на авансцену выходит не просто читатель или критик, а и зритель в одном лице. В таком случае ему предоставлено поле для множественности интерпретаций поэтического текста в вербальном измерении и жесткая очерченность границ его

осмысления в аудиовизуальном воплощении. Принимая во внимание, что поэтический текст толкуется, прежде всего, как контейнер словесных поэтических образов, посредством чего реализуется его основная эстетическая функция – служить эмоциональному удовольствию читателя [13, с. 195], **объектом** нашего исследования выбраны парадоксальные поэтические образы. **Теоретико-методологической основой статьи** стали положения когнитивной поэтики (R. Tsur, M. Freeman, P. Stockwell, O. Воробьева, Л. Белехова), мультимодальной когнитивной поэтики (A. Gibbons), теория концептуальной метафоры и концептуальной интеграции (M. Johnson, G. Lakoff, G. Fauconnier, M. Turner) и идеи зарождающейся парадигмы – мобильной стилистики, направленной на выявление способов и механизмов актуализации разных типов мобильности в разнообразных дискурсах, художественном в частности [14, с. 1].

Актуальность нашего исследования объясняется общей направленностью современных филологических разведок, включая поэтологические, на изучение специфики художественного творчества, в частности на осмысление сути предкатегориальной деятельности человека, раскрытие и толкование автоматических и сознательных когнитивных операций, ведущих к распределению семантики словесной формы и схватыванию ее негештальтного качества [15; 3]. Актуальным оказывается привлечение и адаптация методологического аппарата других наук для объяснения связи языка и мышления с последующим уточнением разработанных и выявлением новых авторских лингвокреативных механизмов.

Целью данного исследования является выявление типов эмоционального резонанса, вызываемого в результате прочтения и просмотра поэтического произведения, в рамках которого функционируют парадоксальные поэтические образы, путем раскрытия когнитивно-семиотических механизмов актуализации парадоксальности в поэтических вербальных и аудиовизуальных формах.

В целом парадоксальность осмысливается как ментальная потребность языковой личности, а именно онтологическая склонность мышления человека к опровержению очевидных фактов, что является результатом реакции сознания человека, базирующегося

на столкновении противоречивых мыслей, идей и понятий [10, с. 93]. Основными признаками парадоксальности, которую мы определяем как художественную категорию, обладающую прототипическими эффектами (в терминах Дж. Лакоффа), считаем *противоречивость, алогичность, странность, аномальность, пограничность, динамичность, подвижность, невозможность, инконгруэнтность*. Данные признаки лежат в основе выявления нами критериев отнесения того или иного поэтического образа к разряду парадоксальных. Парадоксальный поэтический образ рассматривается нами как когнитивный мультимодальный конструкт, который структурируется предконцептуальной, концептуальной, вербальной, визуальной и аудиальной, характеризуется вариативностью и динамичностью концептуально-семантической структуры. Такой образ становится результатом актуализации парадоксальных смыслов посредством их "трансляции" в разных семиотических измерениях – поэтическом и аудиовизуальном/визуальном текстах.

Бесспорно, специфика современного поэтического дискурса накладывает отпечаток на манеру реализации эмоционального и эстетического воздействия на читателя/зрителя, т.е. на его эмоциональный отклик. Что, по сути, хотя бы предположительно должен испытать адресат поэтического сообщения?

Обратимся к постулатам античной поэтики, где традиционно признано, что поэтический текст, впрочем, как и произведения других видов искусства, направлен на пробуждение, переживание катарсиса (от гр. *katharsis* – *очищение*), как обозначения сущности эстетического переживания, процесса и результатов благоглагоживающего воздействия на человека, связанного под влиянием сценической драматургии или музыки с "очищением души" [1]. По Аристотелю театр есть тем местом, где должен возникать катарсис, "исцеление", "очищение" души в результате переживания зрителем сценической трагедии, сопереживания и страха. В концепции Л. Выготского катарсис осмысливается как сложное проявление чувств, их взаимное превращение. В контексте нашего исследования важна мысль о том, что при восприятии художественного произведения возникают прямо противоположные эмоции, которые при определенных обстоятельствах способны к взаимной нейтрализации, "к короткому замыканию" [7, с. 204]. Другими словами, эстетический катарсис заключается в нейтрализации разнонаправленных эмоций, порожденных противоречием формы и содержания произведения искусства [7, с. 215]. В свете современных психологических и психолингвистических теорий катарсис рассматривается как некий терапевтический прием, заключающийся в процессе высвобождения психической энергии, эмоциональной разрядки, способствующей уменьшению или снятию тревоги, конфликта, фрустрации через их вербализацию или телесную экспрессию.

Какого же типа катарсис предлагается испытать читателю или зрителю от прочтения поэтических текстов модернизма и постмодернизма или просмотра их экранизаций, избоблюющих парадоксальными поэти-

ческими образами в разных ипостасях, высвечивающих различные стороны противоречивости бытия и наталкивающих на постоянный поиск смысла существования? Возможно ли вообще в таком случае душевное исцеление и благоглагоживание адресата?

Основу для поиска ответа на заданный вопрос мы усматриваем также в теоретических суждениях Р. Барта относительно текста-удовольствия и текста-наслаждения [4]. Эти понятия рассматриваются как параллельные силы, находящиеся в отношениях "взаимной несообщаемости". Текст-удовольствие приносит удовлетворение, заполняет эйфорией и связан с практикой "комфортабельного чтения" [4, с. 481]. Текст-наслаждение возникает как своего рода скандал, как продукт разрыва с прошлым, как утверждение чего-то нового, а не как расцвет старого. Таким образом, кажется, что прочтение любого модернистского, а особенно и постмодернистского англоязычного поэтического текста должно вызывать наслаждение в форме современного катарсиса как терапевтического приема. Проверим эту гипотезу, исходя из ряда факторов, под влиянием которых возникает тот или иной эмоциональный отклик. Среди последних выделяем экстралингвистические (доминирование того или иного типа художественного сознания, того или иного вида поэтического мышления, способ художественного отображения действительности, особенности литературно-стилевого направления), когнитивные (когнитивные механизмы формирования парадоксальной поэтической образности) и лингвистические (поэтические формы, в которых активирован соответствующий вид поэтического мышления). Осмысливая механизмы формирования парадоксальных поэтических образов как один из когнитивных факторов, в свете мобильности стилистики объясняем их сквозь призму мобильности ее границ. Под последней понимаем подвижность, изменчивость, гибкость, видоизменяемость и адаптируемость границ парадоксальной поэтической образности в ракурсе границ текстовых миров, границ образов, концептуальных границ: доменов, концептосфер и т. д., воздействующих на специфику воплощения парадоксальности в современном англоязычном поэтическом дискурсе.

С целью толкования основного когнитивно-семиотического процесса создания парадоксальности в современном англоязычном поэтическом дискурсе вводим понятие трансгрессии. В постмодернизме оно занимает одно из основополагающих мест и заключается в переходе границ между возможным и невозможным [11]. Кроме того, данный феномен осмысливается как процесс пересечения границ табуированного и/или невозможного [11, с. 118]. В результате трансгрессивного действия наблюдается причудливое скрещение явлений, объектов, событий, реального мира, существующее только в данной конфигурации. В художественном тексте одним из приемов реализации трансгрессии считается металеписис [9, с. 54]. В нашем исследовании процесс трансгрессии приводит к концептуальной интеграции (G. Fauconnier, M. Turner) или концептуальной амальгаме (в терминах

Белеховой Л.И.). Когнитивно-семиоти-ческий механизм концептуальной амальгамы сопровождается когнитивными операциями абсорбции или экструзии границ парадоксальности.

В поэтическом тексте поэта-модерниста Э. Каммингса (E. Cummings) "*Love is more thicker than forget...*", центральным парадоксальным образом является образ *love*. В ракурсе вербальной ипостаси парадоксальность последнего заключается в грамматической девиантности и семантической аномальности. Поэтический текст избобилует девиантными синтаксическими конструкциями – *love is more thicker than forget / more thinner than recall / it is...moonly /less bigger/less littler / most sane and sunly*. На лексико-семантическом уровне наблюдается игра противоположностей, выраженных антитезами *forget-recall / thicker-thinner / sunly-moonly* (авторские неологизмы) / *always-never / most sane-most mad*, которые, с одной стороны, служат средствами актуализации связности текста, а с другой – воплощают его главную загадку – противоречивость чувства любви. Более того, во второй и последней строфах кроется вербальный парадокс – любви одновременно приписываются контрадикторные качества – *it is most mad and moonly / it is most sane and sunly*. Высвечивание различных граней любви, объективированное в художественных сравнениях лишь подталкивает к выводу о том, что переживание любви несравнимо ни с чем. В результате проведения семантического, концептуального и инференционного анализа нами было выявлено, что когнитивным механизмом формирования образа *love* является концептуальная экструзия, сопровождаемая когнитивной процедурой расширения границ образа, ведущая к их размыванию. Такой образ характеризуется как безгештальтный (*gestalt-free*), свободный от предметной определенности (*thing-free*) [15; 3]. Несмотря на дифузность образа (в терминах Белеховой Л.И.), т.е. на его "разбросанность" по всей текстуре стихотворения, отнесем последнее к тесту-удовольствию. Кроме прочего, благодаря иронической тональности поэтического текста, где культивируется своеобразное подтрунивание над беспомощностью людей, попавших в сети любви. "Светлая" игривость образа обеспечивается функционированием аллитерации и ассонанса – частым повторением переднеязычных звуков /i/, /e/, дифтонгов /ei/, /ai/ и губных звуков /m/, /n/, /l/. Все перечисленное обеспечивает «комфортабельность» прочтения этого поэтического текста, что и ведет к получению эстетического удовольствия.

Поэтические тексты, относимые к сюрреалистическим в рамках модернизма, продолжившие свое существование и в постмодернизме с некими изменениями, мы считаем обоснованным отнести к текстам-наслаждениям, позволяющим получить истинное наслаждение от "распутывания" клубков противоречивых образов, порой построенных на возведении обычных артефактов на уровень художественного образа. Так, создается и парадоксальный поэтический образ *shoes* в поэтическом тексте "My Shoes" поэта-постмодерниста Ч. Симики (Ch. Simic). В анализиру-

емом тексте речь идет о сложном устройстве внутреннего мира человека, об осмыслении его противоречивых граней в терминах бытовой вещи. Образ *shoes* актуализирован в единстве его предконцептуального, концептуального, вербального и визуального измерений. Из биографических данных автора становится известным, что его любимым художником был французский сюрреалист Рене Магритт. Написание данного поэтического текста Ч. Симики вдохновило одно из его полотен "*Красная модель*" (1937). Когнитивной основой ряда образов является концептуальная метафора ОДЕЖДА ЭТО ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ЕСТЕСТВА. Интерпретируя образ *shoes* как парадоксальный, мы, прежде, всего, руководствуемся разновекторным употреблением личного местоимения *you* в поэтическом тексте, что обуславливает его «расщепленность» (в терминах Р. Якобсона). Иными словами, ведет к неограниченности выбора адресата. Визуальная сторона парадоксального поэтического образа *shoes* актуализирована в его графическом выделении запятой в начале первой строфы. Таким образом внимание читателя на мгновение задерживается, т.е. имеет место так называемая отложенная категоризация [3] (англ. *delayed categorization*) [15]. Предконцептуальной основой образа являются культурные архетипы *смерти* (*Two partly decomposed animal skins*), что проявляется в объяснении изготовления обуви из кожи мертвых животных, и *жизни* (*secret face of my inner life*) – эксплицитное функционирование лексической единицы *life* как архетипического символа. В концептуальной структуре образа переплетаются разные концептуальные схемы, в основном концептуальные метафоры и оксимороны, опредмечивание в тексте которых имеет место при помощи когнитивных механизмов концептуальной амальгамы и концептуальной интеграции, концептуальные границы образа то подвергаются компрессии, то наоборот расширению. Такая балансировка, хотя и приводящая к дискомфортному прочтению, обуславливает наслаждение, получаемое читателем, и усиливающееся при подключении визуального кода образа для читателя, ставшего уже и зрителем.

К текстам-наслаждениям относим еще и произведения "поэтов языка", таких как М. Палмер (M. Palmer), в одном из поэтических текстов которого – "I Do Not Know English" парадоксальность осмысливаем как инконгруэнтность, или несоответствие реального положения дел в реальном мире относительно вопроса владения английским языком и его противоречивым преломлением в текстовом мире поэтического текста, где антипатические коды вступают в обоюдное взаимодействие. Нейтральный слой научной лексики *arboreal shadows elongated, hibernal declination* приходит в соприкосновение с возвышенными образами *I can have nothing to say about this latest war, flowering through a night-scope in the evening sky / the ship of stone whose sail was a tongue*.

Кроме заявленных типов текстов, введенных в обиход Р. Бартом, для определения эмоционального резонанса, вызываемого прочтением постмодернист-

скої сучасної англійської поезії пропонуємо виділити тексти-страждання. Така позиція виділяється нами обґрунтованою, в частині, по відношенню до певних течій в постмодерністській поезії, а саме фларф-поезії (англ. flarf-poetry) і спам-поезії (англ. spoeetry). Фларф-тексти формуються з результатів пошукових запитів, в основному взятих з пошукової системи Google. Наприклад, поетичний текст К. Силема Мохаммада (K. Silem Mohammad) "Giant Squid Attack Threat but Race Goes on", хоча і виводиться в ранг поетичного і розглядається як «комп'ютерний» верлібр, скоріше нагадує колонку з розділу новин. Парадоксальність в такому випадку ми усвідомлюємо в відхищенні від поетичної компетенції (в термінах Белехової Л.І.). Більш поетичним, на перший погляд, здається поетичний текст того ж автора "Poems About Trees". Однак, абсолютно романтична тональність внаслідок першої строфи піддається різкому зміщенню, де ліричний герой експліцитно вказує на те, що він пише *starry poems* – паршиві вірші і *eat babies* – ликує від цього, чи принижує читача? Дані значення виводимо виходячи з значення даного ідіоматичного вираження, стосовно до сленгу.

Незважаючи на те, що наведені приклади і жанри поезії ірадіують абсолютною новизною, являються своєрідним відкликом на всеозрастаюче розвиток цифрових технологій, емоційний резонанс від їх прочитання чи не принесе задоволення чи насолоди, а скоріше страждання від усвідомлення того факту, що поезія сьогодні стає більше схожою на сухий протокол засідання чи бегущую новостну строку.

Отже, в результаті проведеного дослідження нами було встановлено, що типи емоційного резонансу, виникаючого від прочитання чи перегляду поетичного твору, в якому функціонують парадоксальні поетичні образи, залежать від ряду факторів – екстралінгвістичних, когнітивних і лінгвістичних. Тексти-задоволення і тексти-насолоди призводять до «очищення душі, катарсису» читача. Тексти-страждання, навпаки, викликають ефект неприємності, нестабільності душевного стану. Степінь емоційного резонансу посилюється при сприйнятті мультимодального поетичного твору. Перспективу подальшого дослідження бачимо в виявленні специфіки функціонування парадоксальних поетичних образів в сучасній англійській поезії.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 977 с.
2. Белехова Л.И. Словесный образ в американской поэзии: лингвокогнитивный взгляд: [монография] / Л.И. Белехова. – 2-е вид., доп. и перераб. – М.: Звездопад, 2004. – 376 с.
3. Белехова Л.И. Від відчуття до співчуття: когнітивні операції передкатегоріального рівня / Л.И. Белехова // Світ емоцій у дзеркалі когніції: мова, текст, дискурс: тези доповідей Круглого столу, присвяченого ювілею проф. О.П. Воробйової (27 вересня 2012 р., КНЛУ). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2012. – С. 33.
4. Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Искусство, 1994. – с. 462-518.
5. Воробйова О.П. Ідея резонансу в лінгвістичних дослідженнях / О.П. Воробйова // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя проф. М. П. Кочерга на: [відп. ред. Тараненко О. О.] – К., 2006. – С. 72 – 86.
6. Воробйова О.П. Лінгвістика 2012: шляхи, які ми обираємо / О.П. Воробйова // Тези Міжнародної науково-практичної конференції «Україна і світ: діалог мов та культур». – К.: Вид. центр КНЛУ, 2012. – С. 47– 48.
7. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
8. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания / Г.Д. Гачев. – Очерки по истории образа. – М.: Искусство, 1972. – 200 с.
9. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. / Ж. Женетт. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 944 с.
10. Япон М.В. К семантике парадокса / Майя Валентиновна Япон // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 2. – С. 90–107.
11. Фуко М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – с. 113-131.
12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.
13. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика: Пер. с англ. / Р. Якобсон // Структурализм: "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
14. Busse V. Introduction / V. Busse // 32-nd PALA Conference «Mobile Stylistics». Book of Abstracts. University of Heidelberg, Germany, July 31– August 4, 2013. – P. 1.
15. Tsur R. Playing By Ear and the Tip of the Tongue: Precategorical Information in Poetry / R. Tsur. – John Benjamins B.V. – 2012. – 309 p.

REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED

1. Aristotle. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategoriyi [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. – Minsk: Literatura, 1998. – 977 s.
2. Bielekhova L.I. Slovesnyi obraz v ameryanskoy poeziyi: lingvokognitivnyi poglyad [Verbal image in American poetry: linguistic and cognitive view]: [monografiya]. – 2-e vyd., dopovnene i pererob. – M.: Zvezdopad, 2004. – 376 s.
3. Bielekhova L.I. Vid vidchuttia do spivchuttia: kognityvni operatsiyi peredkategorialnogo rivnia [From sensation to sympathy: cognitive operations of pre-categorical level] // Svit emotsiy u dzerkali kognitsiyi^ mova, tekst, dyskurs: Tezy dopovidey kruglogo stolu, prysviachenogo iuvileyu prof. O.P. Vorobyovoyi (27 veresnia 2012, KNLU). – K.: Vyd. tsentr KNLU, 2012. – S. 33.
4. Barthes R. Udovolstviye ot teksta [The pleasure of the text] // Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. – M.: Iskustvo, 1994. – s. 462-518.
5. Vorobyova O.P. Ideya rezonansy v lingvistichnykh doslidzhenniakh [The idea of resonance in linguistic research] // Mova. Liudyna. Svit. Do 70-richchia prof. M. P. Kochergana: [vidp. red. Taranenko O.O.] – K., 2006. – S. 72 – 86.
6. Vorobyova O.P. Linguistika 2012: shliakhy, yaki my obyraiemo [Linguistics 2012: the ways we choose] / O.P. Vorobyova // Tezy Mizhnarodnoyi naukovopraktychnoyi konfer-

- entsiyi «Ukrayina I svit: dialog mov ta kultur». – K.: Vyd. tsentru KNLU, 2012. – S. 47– 48.
7. Vygotskiy L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of art] – M.: Iskustvo, 1986. – 573 s.
8. Gachev G. D. Zhizn' khudozhestvennogo soznaniya [Life of the Literary Art] – Ocherki po istoriyi obraza – M.: Iskustvo, 1972. – 200 s.
9. Genette G. Figury: raboty po poetike [Figures: works on poetics] – M.: izd-vo im. Sabashnikovoykh, 1998. – T. 2. – 944 s.
10. Liapon M.V. K semantike paradoksa [On semantics of paradox] // Russkiy Yazyk v nauchnom osveshcheniyi. – 2001. – № 2. – S. 90–107.

11. Foucault M. O transgressiyi [On transgression] // Thanatography of eros: George Bataille and the French thought in the middle of the XX century. – SPb.: Mifril, 1994. – s. 113-131.
12. Epstein M.N. Postmodern v russkoy literature [Postmodern era in the Russian literature] – M.: Vysshaya shkola, 2005. – 495 s.
13. Jakobson R. Lingvistiki i poetika [Linguistics and poetics]: Per. s angl. // Strukturalizm: "za" i "protiv". – M.: Progress, 1975. – S. 193-230.

Marina E.S. Paradoxical Poetic Imagery in Contemporary Anglophone Poetic Discourse: Types of Emotional Resonance

Abstract: The article focuses on revealing the types of emotional resonance, evoked from reading or watching contemporary Anglophone poetic texts, within which paradoxical poetic imagery functions. It is determined that peculiarities of emotional resonance emergence are predetermined by cognitive, extralingual and lingual factors. The research is carried out from the standpoint of cognitive poetics, multimodal cognitive poetics and mobile stylistics. We view paradoxicality as a literary category realized in four dimensions: ontological, gnoseological, epistemological and semiotic. In the paper a poetic paradoxical image is defined as cognitive and semiotic entity structured by preconceptual, conceptual and verbal planes, characterized by variable and dynamic conceptual and semantic structure actualized in poetry as multimodal construal. Considering cognitive mechanisms of paradoxical poetic imagery formation among cognitive factors of emotional resonance emergence, within the framework of mobile stylistics we explain specificity of their creation via mobility of paradoxicality boundaries, i.e. their moveability, changeability, flexibility and adaptability. The boundaries of paradoxicality are viewed as borders of paradoxical poetic imagery, textual worlds, conceptual borders. It is claimed that the main cognitive process of paradoxical poetic imagery formation is conceptual transgression, which results in cognitive mechanisms of conceptual blending and conceptual amalgam. It is proved that conceptual amalgam is accompanied by cognitive operations of conceptual absorption and conceptual extrusion. Proceeding from the outcome of semantic, conceptual, inferential, interpretative and textual analysis of the poetic texts under study, the latter are classified into texts of pleasure, texts of bliss (Barthes' terms) and texts of suffering. The first two types evoke readers' "purification of the soul, catharsis". On the contrary, texts of suffering give rise to resentment, instability of the state of mind. Extent of emotional resonance is amplified while perceiving a multimodal poetic text.

Keywords: *emotional resonance, the text of pleasure, the text of bliss, the text of suffering, mobility of boundaries.*